

О.Р. Айрапетов. Участие Российской империи в Первой мировой войне (1914–1917). М., 2014

Столетие начала Первой мировой войны, широко отмеченное официальными мероприятиями, новыми памятниками, выставками, международными конференциями и многочисленными публикациями, с одной стороны, показало, насколько широк круг исследователей, изучающих различные аспекты трагических событий 1914–1918 гг., как разнообразны их подходы, оценки и пристрастия. С другой стороны, «юбилейный» жанр не всегда способствовал активизации научных споров. Возможно, другой причиной этого стало обращение историков преимущественно к новым, неизученным ранее культурным и социальным сюжетам.

Между тем существует острая потребность в свежем, «авторском» взгляде на, казалось бы, хорошо известные проблемы военной и политической истории. На этом фоне появление новой книги доцента Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова кандидата исторических наук Олега Рудольфовича Айрапетова стало заметным событием. Его репутация незаурядно эрудированного, оригинально мыслящего и, как правило, остро пишущего и выступающего историка обеспечивала успех издания. Выпущенное впервые в начале 2014 г. факультетом государственного управления МГУ¹, оно уже летом было переиздано².

В обсуждении книги приняли участие доктор исторических наук А.В. Ганин (Институт славяноведения РАН) и С.В. Тютюкин (Институт российской истории РАН), а также кандидаты исторических наук В.Б. Аксёнов (Московский государственный технический университет радиотехники, электроники и автоматики), Ф.А. Гайда (Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова), М.А. Колеров (Издательство «Три квадрата»), Д.Г. Мартиросян (Научно исследовательский институт (военной истории) Военной академии Генерального штаба ВС РФ), А.А. Смирнов (Московский архитектурный институт) и А.С. Пученков (Санкт-Петербургский государственный университет).

Модест Колеров: История самоубийства империи

*Modest Kolerov (Tri kvadrata Publishing house, Russia):
A history of an Empire's suicide*

Первый в современной русской науке интегральный очерк участия Российской империи в Первой мировой войне, синтезирующий экспозицию, логику и хронику военных событий с их дипломатическими, политическими предпосылками и общественными факторами, за которыми стоит вековой

¹ Айрапетов О.Р. Участие Российской империи в Первой мировой войне (1914–1917). Т. 1: 1914 год. Начало. М.: ИД КДУ, 2014. 336 с.; Т. 2: 1915 год. Апогей. М.: ИД КДУ, 2014. 316 с.

² Айрапетов О.Р. Участие Российской империи в Первой мировой войне (1914–1917): 1914 год. Начало. М.: Кучково поле, 2014. 640 с.; 1915 год. Апогей. М.: Кучково поле, 2014. 624 с.

лес традиционных исторических схем, новых национальных и реликтовых партийно-имперских мифологий, написан не коллективом, а одним историком – Олегом Рудольфовичем Айрапетовым – и это ярко выражается в его узнаваемом авторском стиле и зрелости его интеллектуального языка. В труде Айрапетова этот синтез осознан как задача, а его осуществление лишено диспропорций в аргументации. Выстраивая в плотную ткань исследования большой массив новых или по-новому поданных фактов и доводов, автор внятно демонстрирует, где, когда и как в литературе действия на русском фронте войны получили детальное освещение, а где остались на периферии внимания. При этом исследователь никогда не забывает о собственном месте в этой интернациональной исторической традиции, говоря о России – «мы», «нас», «нам»...

Автор этого редкого по замыслу и качеству научного труда настолько энциклопедически, давно и свободно владеет разнообразным материалом по теме³, что его основная мысль звучит убедительно, громко и, думаю, точно: описание участия России в Первой мировой войне — это история самоубийства общества и государства, редкой безответственности правящей династии и свергавшего её политического класса, почти не замеченного подвига русской армии и флота, тяжёлой жертвы народа, которая оказалась в тени последовавших потерь 1917–1945 гг. Это – эпос имперского бремени России, на которое она была исторически обречена и без которого не существовала. Не так давно в интервью Айрапетов дал ёмкое резюме случившегося: в Первую мировую войну Германия не только нанесла военное поражение России, но и прямо уничтожила, разорвала её как государство.

Разумеется, это событие мирового масштаба оставило целую Атлантиду источников и многочисленные культурные слои покрывающих их национальных мифов. Поэтому глаз ремесленника привычно ищет, кроме архивов и литературы, и новые методические ходы. Приятно отметить давно уже ставшее характерным для О.Р. Айрапетова использование современной событиям периодической печати, особенно ежедневной⁴, и оперативное сопоставление газетной реальности с данными историографии. Сожаление вызывает лишь библиографическая неполнота ссылок, в которых не указаны имена авторов и названия статей, а также места издания цитируемых газет. Между тем эти сведения представляются важными, особенно в условиях критически плохого состояния подшивок отечественной прессы.

Ценной является и подборка биографий упоминаемых в книге лиц (в том числе малоизвестных), представляющая собой впечатляющую галерею человеческих судеб с середины XIX до середины XX в. Досадным упущением в ней выглядит только отсутствие сведений о русском посланнике в Белграде Н.Г. Гартвиге, буквально отдавшем жизнь в дипломатической борьбе за интересы России и Сербии. Сильное впечатление производит и кратко воссоздаваемая О.Р. Айрапетовым драматургия личных поступков исторических деятелей, принимавших важнейшие решения (ультиматумы Австро-Венгрии и Германии, объявление всеобщей мобилизации в России и т.п.). Наряду с библиографическими

³ Библиографию работ О.Р. Айрапетова за последние 25 лет см.: Величие и язвы Российской империи: Международный научный сборник к 50-летию О.Р. Айрапетова / Сост. В.Б. Каширин. М., 2012.

⁴ См. также: Вишневски Э. Либеральная оппозиция в России накануне Первой мировой войны. М., 1993.

данными весьма полезно было бы включить в текст книги и ключевые документы – *in extenso* или в существенных выдержках. Иначе отсутствие, например, изложения австро-венгерского ультиматума, предъявленного Сербии 23 июля 1914 г., может вызвать недоумение.

Автор часто приводит точные данные о количестве войск и их вооружении, номера и названия частей и соединений. Они могут даже показаться избыточными, но полезны при дальнейшем использовании книги. Давний исследовательский интерес Айрапетова предопределил его особое внимание к деятельности Генерального штаба, являвшегося наряду с такими супер-ведомствами, как Министерство финансов и МВД, одним из столпов имперского строя России.

Опираясь на глубокое знание истории внешней политики императорской России XIX–XX вв.⁵, Айрапетов тщательно раскрывает географические, политические, экономические и идеологические цели войны, отмечая, что именно отсутствие ясности и дефицит общенационального консенсуса относительно стоящих перед Россией задач стали одними из главных причин поражения в войне как антигерманской, несмотря на её популярность. «Парадокс заключался в том, – пишет Айрапетов, – что в то время как с Россией вели тотальную войну, т.е. войну народа с народом, она и в лице своего военно-политического руководства, и в лице общественности так и не смогла подняться до того, чтобы вести такую же войну со своими противниками». Особенно это касалось «образованной части русского общества, вообще фатально нестойкого к неудачам». Напротив, «немцы смотрели в будущее без боязни и поэтому не церемонились соблюдением правил приличия прошлого» (I, 56–57, 59). Отмобилизованная в духе цивилизационного, миссионерского и этнического шовинизма Германия являла собой тогда первый в XX в. образец тотального военно-политического, общественно-экономического и идейно-культурного *воюющего* единства. И, видимо, даже капитуляция перед Австро-Венгрией и Германией несколько не отвратила бы ценой национального достоинства угрозу войны.

История идейно-философского, литературно-художественного предвкушения, вызывания и пропагандистского сопровождения войны в разных странах, в общих чертах описанная отечественными исследователями ещё в межвоенный период⁶, оправданно оставлена О.Р. Айрапетовым без особого внимания, хотя, пожалуй, было бы полезно дать несколько небольших критических экскурсов, показывающих меру зависимости «культурного фронта» от национализма, империализма и милитаризма. Масштабной задачей для будущих трудов остаётся и комплексное рассмотрение экономической и военно-политической истории Первой мировой войны. Только оно способно хотя бы отчасти подвести к пониманию всей реальной независимости политических решений эпохи империализма и борьбы за ресурсы от текущих торговых и промышленных связей, которые, кстати, никак не воспрепятствовали началу войны России со своим основным партнёром Германией. Для рейха, преследовавшего колониальные цели, планы экономического подчинения Российской империи оказались привлекательней существующих выгод от мирного сотрудничества с ней. В настоящее время индустриальная предыстория войны, тесно связанная с созданием массовых армий и многочисленными европейскими проектами установления

⁵ См.: Айрапетов О.Р. Внешняя политика Российской империи (1801–1914). М., 2006.

⁶ Цехновицер О. Литература и мировая война. 1914–1918. Л., 1938.

военной диктатуры, проводящей протекционистскую и националистическую политику, активно изучается учёными разных стран.

Не углубляясь в собственно экономические сюжеты (что отняло бы немало времени и неизбежно увело бы от темы исследования), Айрапетов, однако, отнюдь не избегает их, освещая строительство военных флотов, государственные инвестиции в развитие железных дорог на будущих театрах боевых действий, социально-экономические факторы, влиявшие на качество человеческих ресурсов. Описание им роли железнодорожных коммуникаций, имевших принципиальное значение как для стратегического планирования, так и для индустриализации народного хозяйства, послужит надёжной опорой для будущего синтетического очерка войны. Русская наука жизненно заинтересована в продолжении этого труда. Ярко характеризуется в книге и тяжелейшая судьба сербского крестьянства в предвоенной Боснии – кричащий пример грубой исторической несправедливости, заметно влиявшей на политическую борьбу сербов за национальное освобождение.

Более строго автору следовало бы использовать понятия «Царство Польское» (к тому времени устаревшее и вытесненное такими, как Привислинский край, Привислинские губернии, Варшавское генерал-губернаторство), «Украина», «Социалистический интернационал». Конечно, нет никакой ошибки в том, чтобы называть II Интернационал «социалистическим», но всё же «социалистическим интернационалом» обычно именуют современный, действующий с 1950-х гг., не имеющий прямого отношения к существовавшему до Первой мировой войны. Кстати, следовало сказать, что несмотря на антивоенную позицию, сформулированную в 1912 г. на Базельском конгрессе II Интернационала, уже в 1914 г. его несущая основа – немецкая социал-демократия в своём абсолютном большинстве, вопреки базельской резолюции, но в соответствии с давними национал-патриотическими традициями Ф. Энгельса и А. Бебеля, стала частью консолидированной немецкой нации, воюющей против англо-французского «Запада» и русского «Востока».

Александр Пученков: Царь на войне

Alexandr Puchenkov (St. Petersburg State University, Russia): The Tsar at war

Как справедливо отметила Т.М. Китанина, «Первая мировая война – война полуизвестная, полузабытая, почти не оставившая в нас исторической памяти». Действительно, «в силу сложившихся трагических обстоятельств – непопулярности войны, утроенной революционной пропагандой и удесyatepённой катастрофическим недостатком вооружения... в первые полтора года военных действий; в силу наступившей в октябре 1917 г. социалистической революции, как крышкой прихлопнувшей интерес к войне, – за пределами нашей памяти остались многие значительные события внутренней жизни общества и страны в целом, достойные глубокого изучения и исторического осмысления»⁷. Именно поэтому появление новой книги О.Р. Айрапетова, работы которого всегда интересно читать⁸, представляется исключительно важным.

⁷ Китанина Т.М. Россия в Первой мировой войне. 1914–1917 гг. Экономика и экономическая политика. Ч. I. СПб., 2003. С. 3.

⁸ См., в частности: Айрапетов О.Р. Забытая карьера «русского Мольте». Николай Николаевич Обручев (1830–1904). СПб., 1998; он же. Генералы, либералы и предприниматели: работа на фронт и революцию. 1907–1917. М., 2003. С. 201–203. Подробнее см.: Ганин А.В. Олег Рудольфович Айрапетов: двадцать лет научной работы // Величие и язвы Российской империи... С. 5–16.

Большое внимание О.Р. Айрапетов уделяет внутренней жизни Ставки в 1914–1915 гг. и взаимоотношениям генералов и царя. Как известно, П.Н. Милоков писал о «вечно неготовой воле и мысли императора»⁹. «Ничтожность» Николая II как государственного деятеля отмечалась обычно и в советской историографии¹⁰. Как же проявил он себя на войне и насколько обоснованным было его решение лично заменить летом 1915 г. вел. кн. Николая Николаевича на посту Верховного главнокомандующего?

Первая мировая война, поставив перед самодержавием сложные и подчас неразрешимые проблемы, оказалась для русской государственности серьёзнейшим испытанием. В условиях небывалого по масштабам вооружённого конфликта как никогда требовалось упорядочить взаимодействие между военными и гражданскими властями. Между тем назначение Верховным главнокомандующим вел. кн. Николая Николаевича лишь усиливало обособленность полевого управления. Пользуясь своим служебным положением и статусом члена Императорской фамилии, он мог практически бесконтрольно вмешиваться в сферу деятельности правительственной администрации¹¹. При этом подчинялся великий князь только царю¹².

Кроме того, по мере разрастания боевых действий вел. кн. Николай Николаевич становился всё более и более самостоятельной фигурой. Обстановка военного времени, естественно, не позволяла ему согласовывать все свои распоряжения ни с царём, ни тем более с Советом министров. В силу этого он понемногу превращался в фигуру не менее значимую, чем император, и, по наблюдениям Б.И. Колоницкого, зачастую воспринимался в обществе не только «как полководец-победитель, но и как единственный уникальный вождь-спаситель России»¹³. Вместе с тем полной свободой рук вел. кн. Николай Николаевич, конечно, не обладал, и, не будучи главой государства, не мог, например, в должной мере использовать возможности тыла для обеспечения армии всем необходимым. «Я всегда раньше думал, что Верх[овный] главн[окомандующий] Николай Николаевич будет энергичнее, – записал в дневнике 7 июня 1915 г. штабс-капитан В.М. Цейтлин, – что он как великий князь справится с Петербургом... Кажется, что и Николаю Николаевичу борьба с тылом не по силам, а для нас это – катастрофа»¹⁴. Надо бы, полагал офицер, «созвать Гос[ударственную] думу и передать ей всё дело снабжения армии, дав полномочия диктатора Ник[олая] Николаевичу, иначе мы пропадём»¹⁵. Вероятно, подобного рода разговоры доходили и до царя. И, несмотря на то что в беседах с чинами Ставки вел. кн. Николай Николаевич всегда демонстрировал свои верноподданнические чувства по отношению к императору, боязнь узурпации им преро-

⁹ Милоков П.Н. Роковые годы // Русские записки (Париж). 1939. Т. XIV. С. 121.

¹⁰ См., в частности: Яковлев Н.Н. 1 августа 1914 года. М., 1974. С. 151. О книге Н.Н. Яковлева см.: Ганелин Р.Ш. Политические ситуации конца XX – начала XXI вв. и исторические оценки причин гибели царизма // В России двадцатого века. Статьи разных лет. СПб., 2014. С. 784–811.

¹¹ Флоринский М.Ф. Кризис государственного управления в России в годы Первой мировой войны: Совет министров в 1914–1917 гг. Л., 1988. С. 155, 158.

¹² Там же. С. 155.

¹³ Колоницкий Б.И. «Трагическая эротика»: образы императорской семьи в годы Первой мировой войны. М., 2010. С. 441. На это обратил внимание ещё Н.Н. Головин: «Вокруг имени великого князя стали создаваться легенды. Народные массы стремились воплотить в нём черты любимого вождя» (Головин Н.Н. Военные усилия России в мировой войне. М., 2001. С. 320).

¹⁴ Архив Военно-исторического музея артиллерии, инженерных войск и войск связи (далее – АВИМАИВИБС), ф. 13-Р, оп. 1, д. 2, л. 58.

¹⁵ Там же, л. 57.

готив короны стала, по сути, одним из главных мотивов принятого Николаем II решения вступить в должность Верховного главнокомандующего и объединить руководство войсками и администрацией¹⁶.

Впрочем, не следует забывать, что ещё до начала войны царь был полон решимости лично возглавить армию, причём императрица Александра Фёдоровна тогда отнюдь не поддерживала это желание мужа. По свидетельству А.А. Поливанова, летом 1915 г. исправлявшего должность военного министра, 4 августа Николай II сказал ему, что «намеревался исполнить это уже после объявления войны, но уступил тогда убеждениям Совета министров... а теперь, когда армия в трудном положении, он считает себя нравственно обязанным присоединиться к ней и взять на себя руководство дальнейшим ведением войны». Поливанов пытался осторожно возражать, говоря, что император берёт на себя задачу, «превосходящую силы человека, ибо положение страны требует ныне большого к себе внимания и непрерывного общения с правительством». Однако «получил ответ, что министры будут ездить в Ставку, и он сам от времени до времени будет приезжать в Царское Село и что вообще он долго и много размышлял по поводу своего намерения, и его решение принято им твёрдо»¹⁷. «В Николае II, – вспоминал депутат Государственной думы октябрист Б.А. Энгельгардт, – было развито чувство долга, правда, своеобразно понятого. Он считал, что должен разделить тяготы войны с каждым солдатом армии и наивно думал, что он это осуществит, переехав в Могилёв и выслушивая ежедневно доклады начальника штаба о положении на фронте. Однако на его решении возглавить армию ещё больше сказались опасения, которое в нём усиленно поддерживала жена, что если Николай Николаевич победоносно закончит войну, то его популярность возрастет настолько, что он начнет мечтать о престоле... Царь всегда ревниво относился к популярности своих родственников и министров, как ни странно, видя в ней умаление своего авторитета. Он готов был даже подозревать верно-подданного великого князя в покушении занять престол»¹⁸.

По мнению безвременно ушедшего петербургского историка Д.В. Эйдука, «для Николая II смысл принятия им верховного командования состоял в том, чтобы дать отвлечённо звучащему понятию об императоре, как о “Верховном вожде” армии, а значит и всей борющейся с врагом нации, реальное обоснование»¹⁹. При этом «в основе поступка государя лежало представление об особой связи народа и царя. Николаю II казалось, что если во главе войск станет царь, Помазанник Божий, то солдаты воспрянут духом, будут храбрее драться с врагом»²⁰. И.В. Алексеева считает, что для Николая II это «была последняя, отчаянная попытка остановить падение своего престижа в армии и спасти находящуюся у “Последней черты” монархию»²¹. Не следует забывать и то, что, как отмечает О.Р. Айрапетов, «к лету 1915 г. почти все монархи, стоявшие

¹⁶ Флоринский М.Ф. Указ. соч. С. 189; Лодыженский А.А. Воспоминания. Париж, 1984. С. 60; Данилов Ю.Н. Великий князь Николай Николаевич. Париж, 1930. С. 198.

¹⁷ Поливанов А.А. Из дневников и воспоминаний по должности военного министра и его помощника 1907–1916 гг. Т. I. М., 1924. С. 203.

¹⁸ ОР РНБ, ф. 1052, оп. 1, д. 57, л. 2, 6.

¹⁹ Эйдук Д.В. К истории политического кризиса лета 1915 г.: смена верховного главнокомандующего глазами русской общественности // Материалы студенческого научного общества исторического факультета СПбГУ. Вып. 1. СПб., 2003. С. 260.

²⁰ Там же. С. 261.

²¹ Алексеева И.В. Последнее десятилетие Российской империи: Дума, царизм и союзники России по Антанте. 1907–1917 годы. М.; СПб., 2009.

во главе стран-участниц войны, лично возглавили свои вооруженные силы» (II, 186). Скорее всего, Николай II признавал это естественным и целесообразным. Неслыханный демарш министров, выступивших против решения «несчастливого» царя и направивших ему коллективное письмо со своими возражениями, вызвал лишь раздражение. «Мы полагали, – признавался управляющий МВД кн. Н.Б. Щербатов, – что государь лично, не обладая никакими способностями военными, ни тактическими, ни стратегическими, ничего не внесёт полезного в смысле военном, но внесёт в Ставку все те отрицательные стороны, которые всегда Двор приносит в военную среду; это раз. Затем, пребывание государя в Ставке технически делало невозможным правильное управление страной... А затем, отдавали себе отчёт, что оставление императрицы здесь (в Петрограде. – *А.П.*) могло грозить стремлением в той или иной форме, если не регентствовать, то близко к этому, что во всех отношениях было крайне опасно»²².

Сменив в августе 1915 г. вел. кн. Николая Николаевича, император возложил на себя всю полноту ответственности за ход войны. Традиционно это расценивается как его роковая ошибка. Недостаточно волевой и решительный, Николай II часто противопоставляется подчёркнуто суровому и непреклонному вел. кн. Николаю Николаевичу, сохранившему, по словам Б.И. Колоницкого, «громадную популярность... несмотря на поражение российских армий»²³. Не случайно, конечно, великий князь пользовался авторитетом и среди противников большевиков в период Гражданской войны, и в эмиграции²⁴. Однако он явно «не дотягивал» до масштаба по-настоящему государственного лидера. По словам В.Г. Бортневского, «великий князь не совсем соответствовал той роли, которую ему многие предназначали», и «не проявил необходимой воли, решительности и инициативы ни в роковые для страны дни Февральской революции, ни в Гражданскую войну, ни на чужбине, когда, благодаря прежде всего бескорыстной поддержке генерала Врангеля, стал во главе русского зарубежного воинства»²⁵. Нельзя не вспомнить и растерянное, близкое едва ли не к истерике, поведение вел. кн. Николая Николаевича в дни, предшествовавшие подписанию манифеста 17 октября 1905 г.²⁶ О «слабости» вел. кн. Николая Николаевича и его «неумении держать в руках даже себя, не говоря уже о фронте в тяжёлое время», пишет и О.Р. Айрапетов (II, 199).

Тем не менее у членов Императорской фамилии решение царя лично возглавить армию вызывало по меньшей мере сомнения. Так, вдовствующая императрица Мария Фёдоровна в своём дневнике с ужасом и негодованием писала о желании её невестки Александры Фёдоровны, чтобы «Ники взял на себя Верховное командование вместо великого князя Николая Николаевича»: «Нужно быть безумным, чтобы желать этого!» Беседуя с сыном, она умоляла его «не делать этого, когда всё плохо для нас, и добавила, что если он сделает это, все увидят, что это приказ Распутина». Однако ей пришлось констатиро-

²² Падение царского режима. Стенографические отчёты. Т. VII. Л., 1927. С. 220.

²³ Колоницкий Б.И. Указ. соч. С. 478. О «громадной популярности» вел. кн. Николая Николаевича свидетельствовал и генерал А.С. Лукомский (*Лукомский А.С. Очерки из моей жизни. Воспоминания*. М., 2012. С. 271).

²⁴ Подробнее см.: Пученков А.С. Украина и Крым в 1918 – начале 1919 г.: Очерки политической истории. СПб., 2013. С. 199–201.

²⁵ Бортневский В.Г. «Судить нас будет Господь Бог...» (К публикации мемуаров Н.В. Савича) // Бортневский В.Г. Избранные труды. СПб., 1999. С. 200.

²⁶ Ганелин Р.Ш. Российское самодержавие в 1905 г.: Реформы и революция. СПб., 1991. С. 211–214.

вать, что Николай II «совсем не понимает, какую опасность и несчастье это может принести нам и всей стране»²⁷. Вел. кн. Андрей Владимирович гораздо осторожнее высказывался о решении царя, отметив 24 августа 1915 г.: «Николай Николаевич случайно попал на этот пост, после того, что Совет министров упростил государю не брать верховное управление армией, в начале войны»²⁸. 1 сентября 1915 г. он признал в дневнике, что «государь, опираясь непосредственно на свою армию, представляет куда большую силу, нежели, когда во главе армии был Николай Николаевич, а он сидел в Царском Селе. Большинство же приветствовало эту перемену и мало обратило внимание на смещение Николая Николаевича»²⁹. Вместе с тем Андрей Владимирович не сомневался, что император «должен быть вне возможных на него нападков», и ему следует «стоять высоко, вне непосредственного управления». В то время как «с принятием государем командования армией, естественно, все взоры будут устремлены на него с ещё большим вниманием». «И ежели на первых порах на фронте будут неудачи, кого винить? – недоумевал он 24 августа. – Ещё соображение. Ежели дела государства потребуют его присутствия в Петрограде, на кого он оставит армию?»³⁰

Для высшего генералитета с самого начала было очевидно, что верховное командование царя станет в значительной степени символическим. «Слишком уж мало подходил Николай II к роли вождя в этой великой войне и по своим дарованиям, и по характеру, и по своей роковой незадачливости», – утверждал А.А. Поливанов³¹. «Было общеизвестно, – писал в мемуарах и А.А. Брусилов, – что Николай II в военном деле решительно ничего не понимал, и что взятое им на себя звание будет только номинальным, а за него всё должен будет решать его начальник штаба»³². «Генералитет и офицерство, – вспоминал А.И. Деникин, – отдавало себе ясный отчёт в том, что личное участие государя в командовании будет лишь внешнее, и потому всех интересовал более вопрос: “Кто будет начальником штаба?” Назначение генерала Алексеева успокоило офицерство»³³. По словам мемуариста, Алексеев тогда же стал «фактическим распорядителем всех вооружённых сил Российского государства»³⁴. Адмирал А.Д. Бубнов также считал, что «фактически он, генерал Алексеев, а не император Николай II исполнял функции верховного командования»³⁵. Сам Алексеев

²⁷ Дневники императрицы Марии Фёдоровны (1914–1920, 1923 годы). М., 2006. С. 89.

²⁸ Военный дневник великого князя Андрея Владимировича Романова (1914–1917). М., 2008. С. 175.

²⁹ Там же. С. 179.

³⁰ Там же. С. 177–178. О своей «двойной реакции» на вступление царя в должность Верховного главнокомандующего вспоминал и вел. кн. Александр Михайлович: «Хотя и можно было сомневаться в полезности его длительного отсутствия из столицы для нашей внутренней политики, всё же принятие им на себя этого ответственного поста было в отношении армии совершенно правильным» (Великий князь Александр Михайлович: Воспоминания. Мемуары. Минск, 2004. С. 252).

³¹ Поливанов А.А. Указ. соч. С. 209.

³² Брусилов А.А. Мои воспоминания. Харьков, 2012. С. 145. Любопытно, что и Брусилов, и командующий Западным фронтом генерал В.И. Гурко долго не воспринимали всерьёз циркулировавшие в армейской среде слухи о намерении царя стать Верховным главнокомандующим, воспринимая их как «домыслы» (Гурко В.И. Война и революция в России. Мемуары командующего Западным фронтом. 1914–1917. М., 2007. С. 189).

³³ Деникин А.И. Очерки русской смуты. Т. I. М., 2003. С. 135.

³⁴ Деникин А.И. Путь русского офицера. М., 1991. С. 294.

³⁵ Бубнов А.Д. В Царской ставке // В Ставке Верховного главнокомандующего. М., 2014. С. 108.

сообщал жене 23 августа 1915 г., что принимается за «большое и ответственное дело, в котором нет и не будет для меня какой-либо поддержки и нравственной, и советом, и словом»³⁶.

Большевики изображали позднее М.В. Алексеева, ставшего к тому времени основоположником Белого движения на Юге России, «серым штабным ничтожеством»³⁷. Перешедший на сторону советской власти генерал М.Д. Бонч-Бруевич в ранней редакции своих воспоминаний, не подвергавшейся ещё «литературной обработке», заявлял, что «Алексеев смотрел на войска как на какие-то шашки, направляемые и передвигаемые распоряжениями высшего командования». Признавая начальника штаба Николая II «большим тружеником», Бонч-Бруевич называл его «военное творчество» «убогим»³⁸. Однако исследования последних лет заставляют усомниться в таких оценках³⁹. Несомненно, Алексеев являлся – и по общему военному кругозору, и по масштабам полководческой и государственной деятельности – одной из наиболее крупных фигур русской Императорской армии. И хотя в офицерской среде бытовало мнение, что Михаил Васильевич «слаб характером»⁴⁰, по свидетельству В.М. Цейтлина, все признавали генерала «умницей»⁴¹.

Император, как полагает С.В. Куликов, испытывал к Алексееву «личную симпатию», основанную «на сходстве их индивидуальностей»⁴². Однако помимо симпатии большое значение имел высочайший профессионализм Михаила Васильевича. К тому же к придворным интригам он никакой склонности не имел. Во всяком случае, император не сомневался в его личной преданности и доверял ему вплоть до своего отречения. На фронте тем временем, как свидетельствовал Деникин, «перемена Верховного не вызвала большого впечатления». Прежде всего это касалось солдат, ведь «государь в их глазах всегда был главой армии»⁴³. Впоследствии А.А. Керсновский писал, что летом 1915 г. «на Россию надвинулась военная катастрофа, но катастрофу эту предотвратил царь», решение которого встать во главе армии «было единственным выходом из создавшейся критической обстановки»⁴⁴. Так или иначе Восточный фронт мировой войны действительно вскоре стабилизировался, а снабжение русской армии продовольствием и боеприпасами значительно улучшилось. Некоторые офицеры отмечали, что «произошло в буквальном смысле чудо!»⁴⁵.

В целом же, как показывает книга О.Р. Айрапетова, на посту Верховного главнокомандующего Николай II, прекрасно сознавая важность исхода войны для исторического будущего России, попытался мобилизовать все свои волевые качества, властно проводя в жизнь те политические решения, которые

³⁶ Цит. по: *Алексеева-Борель В.* Сорок лет в рядах русской императорской армии: Генерал М.В. Алексеев. СПб., 2000. С. 404.

³⁷ *Троцкий Л.Д.* История русской революции. Т. I. М., 1997. С. 47.

³⁸ ОР РГБ, ф. 369, к. 422, д. 4, ч. 2, л. 72, 281, 410. [1931 г.].

³⁹ *Цветков В.Ж.* Генерал Алексеев. М., 2013.

⁴⁰ Письма ротмистра лейб-гвардии Уланского полка А.В. Поливанова родным (октябрь 1916 – май 1917 г.) / Публ. В.Н. Кузнецова // Вопросы истории. 2012. № 9. С. 77.

⁴¹ АВИМАИВИВС, ф. 13-Р, оп. 1, д. 2, л. 53.

⁴² *Куликов С.В.* Бюрократическая элита Российской империи накануне падения старого порядка (1914–1917). Рязань, 2004. С. 206.

⁴³ *Деникин А.И.* Путь русского офицера. С. 294.

⁴⁴ *Керсновский А.А.* История русской армии. Т. 3. М., 1994. С. 306.

⁴⁵ *Гиацинтов Э.Н.* Записки белого офицера. СПб., 1992. С. 55–56.

ему представлялись полезными и целесообразными для достижения победы, и стараясь при этом не оглядываться на советы семьи, Двора или «общественности», противоречившие его представлениям о благе государства. Представление о монархе, управляемом капризами амбициозной жены и советами Г.Е. Распутина, давно уже является устаревшим и нуждается в пересмотре.

Андрей Смирнов: Причины неудач русской армии

*Andrey Smirnov (Moscow Architectural Institute, Russia):
Causes of the failures of Russian army*

Первые два тома новой, ещё не завершённой работы О.Р. Айрапетова представляют собой настоящий прорыв в изучении Первой мировой войны. При редком знании и чувстве эпохи автор не первый раз уже⁴⁶ успешно применяет комплексный подход к анализу внешней политики и военной истории, которые не сводятся к боевым действиям и дипломатии, а рассматриваются как равнодействующая самых различных факторов – от цен на пшеницу и показателей экспорта и импорта до влияния общественного мнения, от размера расходов на армию и запаса снарядов на одно полевое орудие до личных качеств начальников центральных управлений, от систем ручного огнестрельного оружия до взаимоотношений между придворными сферами и морским ведомством и т.д. И это именно работающая, несущая конструкция, позволяющая понять и объяснить многое в событиях 1914–1917 гг., а не механическое нагромождение не связанных друг с другом фактов, чем, в частности, грешили советские работы 1940–1950-х гг., в которых показатели выплавки чугуна и роста классово-вой борьбы искусственно «пристёгивались» к описанию, например, кампании 1805 г. только потому, что надо было показать соотношение «базиса» и «надстройки».

О.Р. Айрапетову удалось установить основные причины неудач русской армии в 1914–1915 гг. К сожалению, неоднократно указав их при анализе конкретных боёв и операций, автор не пишет о том, как они сказывались на ходе кампаний 1914 и 1915 гг. на Русском фронте в целом. Один из таких факторов – плохое управление войсками со стороны высшего командования – хорошо известен исследователям⁴⁷. Тем не менее Айрапетов сумел глубже показать, чем оно было обусловлено. «Отсутствие единства в мыслях и действиях, – отмечает он, – читалось практически на всех уровнях принятия решений в русской армии» (I, 149). Фактически это подтверждает правоту генерала от инфантерии В.Я. Флуга, который ещё в 1926 г., говоря о проявившихся во время войны недостатках высшего командного состава России, констатировал присущее «русскому интеллигентному классу» чрезмерное развитие аналитического мышления в ущерб синтетическому, умаляющее «способность образованного русского человека к созидательной (умственной. – А.С.) работе» и к «смотрению на дело в целом»⁴⁸. Увлечение мелочами, частностями сплошь и рядом шло в ущерб целому и доходило до забвения главной цели, достижению которой должна служить отработка деталей – осуществление идеи, положенной в основу

⁴⁶ Айрапетов О.Р. Внешняя политика Российской империи...

⁴⁷ Керсновский А.А. История русской армии. Т. 4. М., 1994. С. 172–176.

⁴⁸ Флуг В. Высший командный состав // Военная мысль в изгнании. Творчество русской военной эмиграции (Российский военный сборник. Вып. 16). М., 1999. С. 294, 304.

синтеза⁴⁹. Об этом свидетельствовало и подробно показанное Айрапетовым раздвоение, а то и «растроение» русской стратегической мысли в 1914 – начале 1915 г., когда, не покончив ни с восточнопрусской, ни с галицийской группировками противника, вел. кн. Николай Николаевич изъезжал из нацеленных на них армий несколько корпусов для организации наступления на познанско-берлинском направлении. Столь же характерно было и стремление Н.Н. Рузского и Н.И. Иванова подчинить стратегические решения исключительно интересам их фронтов. Во всём ощущалось отсутствие единства в целеполагании, которым должна отличаться (и у германцев действительно отличалась) вся работа по планированию военных действий и управлению войсками.

Не менее остро сказывалась и нехватка у рядового и унтер-офицерского состава русской армии 1914–1917 гг. общего развития. Между тем требования к нему заметно возросли не только потому, что в начале XX в., с его расчленёнными боевыми порядками пехоты, рядовой чаще, чем ещё в 1877 г. (не говоря уже о 1812 г., когда на поле боя господствовали сомкнутые колонны), оказывался в ситуации, заставлявшей думать и действовать самостоятельно. Известный уровень общего развития был необходим и для формирования того патриотического и гражданского сознания, которое, например, помогло германскому солдату стойко держаться до самого конца войны. Именно недостаток его у основной массы нижних чинов привёл к моментальному разложению армии Российской империи после издания 1 марта 1917 г. Петросоветом пресловутого приказа № 1. Вчерашние крестьяне рассуждали тогда: «мы вятские, до нас немец не дойдёт», а царя, который велел воевать, теперь нет. Напомнив (цитатой из аналитической записки германского Генерального штаба 1913 г.) о бесстрашии и нетребовательности русского солдата, о его способности быстро восстанавливать боевой дух, Айрапетов справедливо заметил: «Но проблема была в том, что он должен был быть лучше» (I, 56). Да, и в 1914–1915 гг. русский солдат сравнительно быстро приходил в себя после неудач, но *перед этим* часто падал духом быстрее и сильнее, чем германский: ему не хватало сознательного восприятия происходящего, а без этого нельзя было обеспечить устойчивость и «моральную упругость» при неблагоприятных обстоятельствах. Для поражения же оказывалось достаточно и кратковременной деморализации войск. «Войсковые организмы царской России, – писал А.А. Свечин, командовавший в 1915–1917 гг. 6-м Финляндским стрелковым полком, – являлись очень нежными и чувствительными, и весьма восприимчивыми к началам разложения. Я убедился в этом ещё весной 1904 г. под Тюренченом, когда наблюдал почти мгновенный переход от ура-патриотического настроения к грабежу денежных ящиков и офицерских чемоданов, к самой бесшабашной панике... Русские полки успешно работали только в атмосфере порядка и авторитета». Однако «обстановка современного боя» не всегда позволяла сражающимся быть на виду у начальника⁵⁰.

Конечно, факты быстрого «перехода от ура-патриотического настроения» «к самой бесшабашной панике» встречались в 1914–1915 гг. и среди герман-

⁴⁹ Подробнее см.: Смирнов А.А. «Бессистемность, свойственная нам вообще» (к вопросу о факторах, влиявших на отечественную военную историю) // Выбор пути (сборник статей памяти В.Л. Махнач). М., 2010. С. 239–259; *он же*. Боевая выучка Красной армии накануне репрессий 1937–1938 гг. (1935 – первая половина 1937 года). Т. 2. М., 2013. С. 253–260.

⁵⁰ Свечин А.А. Искусство вождения полка по опыту войны 1914–18 гг. М.; Л., 1930. С. 14–15.

ских частей. Примером может служить бегство их 35-й пехотной дивизии и 71-й пехотной бригады 36-й пехотной дивизии под Гумбинненом 7(20) августа 1914 г. Служивший тогда лейтенантом 5-го гренадерского полка 36-й дивизии К. Хессе вспоминал, как «в диком бегстве», без винтовок и касок, устремились в тыл передовые взводы 7-й роты; «в состоянии полного разложения» откатились и другие подразделения 5-го гренадерского и соседнего 128-го пехотного полков, но «в особенности охвачены паникой» были части 35-й дивизии⁵¹... Однако это случилось при первом столкновении с противником, когда даже хорошо подготовленные и дисциплинированные, но необстрелянные части могут оказаться парализованы (как под Тюренченом). В последующих боях паника у немцев (например, в батальоне 4-го гренадерского полка 2-й пехотной дивизии под Уздау 14(27) августа 1914 г.) не выходила за пределы подразделения. И никогда, даже под Праснышем (где в феврале 1915 г., как пишет Айрапетов, единственный раз удалось добиться «крупного окружения немецких войск, сопровождавшегося расстройством тыла и управления» (II, 33)), у них не бывало столь быстрого прекращения сопротивления при неудаче, как, например, у русских под Танненбергом. Под Праснышем немцы, потеряв много людей пленными, всё-таки организованно вышли из «мешка». А под Танненбергом, как вспоминал командовавший тогда 10-й ротой 1-го пехотного Невского полка граф Г.П. Беннигсен, уже в неразберихе при встрече в ночь на 17(30) августа в Грюнфлиссском лесу окружённых войск XIII и XV армейских корпусов «люди в большинстве частей разбежались и перемешивались»⁵². Безуспешные же попытки прорыва 17 августа совсем деморализовали солдат и привели к потере управления даже подразделениями. К утру 18(31) августа, судя по записи, сделанной в плену со слов однополчан бывшим командиром 3-го пехотного Нарвского полка Н.Г. Загнеевым, образовалось «большое скопление людей в лесу, и всё как бы ускользнуло из рук»⁵³.

Власть без должного внимания относилась к гражданскому и патриотическому воспитанию масс, соответствующая работа велась лишь среди солдат срочной службы. Не случайно приведённые выше свидетельства о быстром разложении окружённых под Танненбергом войск оставлены офицерами Невского и Нарвского полков, где процент запасных был наибольшим из всех кадровых частей русской пехоты августа 1914 г. (до 80%⁵⁴). В XV корпусе он был меньше – и, соответственно, меньше процент не разбежавшихся и не «ускользнувших из рук» сразу после неудачи. Так, на момент сдачи в плен, после «крайне упорного сопротивления», во 2-м батальоне 22-го пехотного Нижегородского полка оставалось, по свидетельству командовавшего тогда батальоном подпоручика В.С. Сынпяна, около 60 солдат, и только «30–40 солдат (едва ли больше) сверх указанных 60 рассеялись и могли попасть в плен поодиночке»⁵⁵.

Влияние на «моральную упругость» частей социально-классового состава их нижних чинов ещё нуждается в серьёзном изучении. О.Р. Айрапетов приводит слова участника боёв 1914 г. о том, что запасные из рабочих Петербургского

⁵¹ Hesse K. Der Feldherr Psychologos. Ein Suchen nach dem Fthrer der deutschen Zukunft. Berlin, 1922. S. 28–29, 32, 36.

⁵² Беннигсен Г.П. 1-й пехотный Невский полк в Восточной Пруссии в 1914 г. // Военная быль. 1959. № 38. С. 6.

⁵³ ГА РФ, ф. Р-6176, оп. 1, д. 1, л. 26 об.

⁵⁴ Подсчитано по: Беннигсен Г.П. Указ. соч. № 35. С. 14; ГА РФ, ф. Р-6176, оп. 1, д. 6, л. 16.

⁵⁵ ГА РФ, ф. Р-5956, оп. 1, д. 42, л. 12. Слова «сверх указанных 60» вставлены написавшим 10 января 1926 г. эту фразу В.В. Чернавиным позднее.

промышленного района, влившиеся при мобилизации в части XXII армейского корпуса, «оказались прекрасным элементом»⁵⁶. Однако до Первой мировой войны в русской армии преобладало представление о большей устойчивости солдат из крестьян и меньшей – из рабочих, мещан и «пролетариев с наделом» (отходников, не порвавших с сельским хозяйством)⁵⁷. Правда, судя по сведениям о боевой работе русской армии в Первую мировую войну, собранным в 1923–1938 гг. сотрудником Русского заграничного исторического архива в Праге Генерального штаба генерал-майором В.В. Чернавиным и представляющим собою, по сути, случайную выборку, у данного мнения были как сторонники, так и противники.

Полковник А.В. Бржезицкий утверждал в 1927 г., что уроженцы Рязанской губ., прибывавшие на пополнение его 2-го Кавказского стрелкового полка, были «неудовлетворительными» именно «как привыкшие к отхожим промыслам и непатриотично настроенные». «Совершенно неудовлетворительный материал в физическом и моральном отношении», – отозвался в 1926 г. полковник чехословацкой армии Я.Я. Червинка об уроженцах Варшавы, присланных в июле 1914 г. в лейб-гвардии Санкт-Петербургский полк, где он тогда служил⁵⁸. Но М.М. Липинский (в августе 1914 г. подпоручик 5-го гренадерского Киевского полка 2-й гренадерской дивизии), беседуя с Чернавиным 27 ноября 1927 г., не подтвердил «мнение о том, что пополнения из московского района (фабричные, вообще жители гор[ода] Москвы) оказались морально ненадёжными и только понизили качество солдатского состава» 1-й, 2-й и 3-й гренадерских дивизий. 14 декабря 1927 г., выслушав бывшего офицера 3-й гренадерской артиллерийской бригады, Чернавин записал: «Он отрицает мнение, что якобы пополнение из Москв[овск]ой губ[ернии] и жителей г[орода] Москвы (влитое по мобилизации) оказались (так в тексте. –А.С.) неудовлетворительными и понизили качество частей»⁵⁹. С этими офицерами гренадерских дивизий были солидарны и их сослуживцы, не опрашивавшиеся Чернавиным. Так, М.И. Пестржецкий, командовавший в начале войны 12-м гренадерским Астраханским полком 3-й гренадерской дивизии, в своих мемуарах дважды повторил, что пополнившие в июле 1914 г. полк московские запасные (и в том числе фабричные рабочие) прибыли на фронт «вполне надёжными солдатами»⁶⁰. О том же вспоминал и бывший командир 12-й роты астраханцев П.В. Сушильников. «Та беспорядочная, шумная толпа мастеровщины, которая запрудила при разбивке казарменный двор, – писал он про первый бой роты, – теперь, под влиянием кадров, полностью восприняла боевую обстановку»⁶¹.

С другой стороны, бывший командир 2-го дивизиона 3-й гренадерской артиллерийской бригады А.Ф. Макалинский 14 ноября 1925 г. писал Чернавину о толпах беглецов, потерявших всякий солдатский облик после первых боёв 13–14 (26–27) августа в районе Замостья и, видимо, принадлежавших к той

⁵⁶ Демьяненко Я. Бой Финляндских стрелков 19 сентября 1914 г. в Августовских лесах // Военная быль (Париж). 1960. № 40. С. 10.

⁵⁷ Подробнее см.: Смирнов А.А. Русский солдат как зеркало русского национального характера // Расовый смысл русской идеи. Вып. 1. М., 1999. С. 356–358.

⁵⁸ ГА РФ, ф. Р-5956, оп. 1, д. 29, л. 8; д. 21, л. 127.

⁵⁹ Там же, д. 41, л. 45, 46. Слова «влитое по мобилизации» вставлены Чернавиным позднее.

⁶⁰ Пестржецкий М.И. Воспоминания командира 12-го гренадерского Астраханского императора Александра III полка. М., 2011. С. 47.

⁶¹ Сушильников П.В. Из воспоминаний Астраханского гренадера (1914). 14 августа 1914 г. // Русский военно-исторический вестник (Париж). 1950. № 7. С. 41.

же 3-й гренадерской дивизии (участвовавшей тогда в составе XXV армейского корпуса в Томашовском сражении). Собранные 14(27) августа, они, как излагал содержание письма Чернавин, «неудержимо разбегались, преднамеренно перемешивались, скрывали звание, номера рот и проч.». Разбежаться стало даже не участвовавшее в бою прикрытие дивизиона⁶². Поскольку в бегство 3-я гренадерская дивизия обратилась тогда отнюдь не целиком, можно предположить, что разбегались всё-таки запасные, т.е. фабричные и другие горожане. О 1-й и 2-й гренадерских дивизиях Чернавину сообщали, что, когда к 19 августа (1 сентября) 1914 г., после сражения под Красником, в полках Гренадерского корпуса осталось по 200–300 штыков, «это всё были кадровые солдаты; запас, выставленный гренадерам Москвой и её губернией, исчез в течение двух недель, составив в подсчётах потерь гл[авным] образом рубрику “без вести пропавших”»⁶³.

К числу основных факторов неудач русской армии в 1914–1915 гг. следует отнести и не раз отмеченное Айрапетовым численное превосходство тяжёлой полевой артиллерии германцев. Так, настроение солдат 105-го пехотного Оренбургского полка 27-й пехотной дивизии было выше всяких похвал, но 4(17) августа в бою у Шталюпёнена они обратились в бегство именно под огнём 150-мм гаубиц. Бывший командир III армейского корпуса, в который входила 27-я дивизия, Н.А. Епанчин едва ли был прав, объясняя тот факт, что полк «оказался весьма нестойким», низким моральным духом инородцев, влившихся в него при мобилизации⁶⁴. Во всяком случае, командовавший в те дни 27-й дивизией К.М. Адарида в 1925 или 1926 г. сообщал Чернавину, что разбавление полков дивизии мобилизованными «местными элементами» «на их боевой ценности не отразилось и не могло отразиться, так как пополнение было из молодых, недавно уволенных в запас». К тому же среди них оказалось так много добровольцев, что «части вышли на войну с порядочным сверхкомплектom»⁶⁵.

Нельзя не отметить, что в книге Айрапетова, пожалуй, подробнее, чем где-либо ещё в отечественной историографии, характеризуется состояние австро-венгерской армии. Распространённое мнение о её слабости уже ставилось (хотя и в завуалированной форме) под сомнение⁶⁶. Соотношение потерь русских и австро-венгров на Восточном фронте в 1914–1917 гг. было примерно 1 : 1, а это может указывать на отсутствие значительного превосходства одной из сторон в уровне подготовки⁶⁷. Айрапетов также приводит серьёзные доводы в пользу того, что в 1914 г. у Австро-Венгрии «была неплохая армия», и «нельзя преувеличивать влияние национального фактора на поведение» её частей (I, 98–99).

Действительно, и в 1916 г., и раньше австро-венгерские части на Русском фронте «дрались с большим ожесточением, особенно в составе мелких подразделений, стреляли до тех пор, пока русские войска не подходили к ним вплотную, наносили огромные потери» и только потом «бросали ружья и относительно легко массами сдавались в плен»⁶⁸. В этом видны классические при-

⁶² ГА РФ, ф. Р-5956, оп. 1, д. 41, л. 49.

⁶³ Там же, л. 44.

⁶⁴ Епанчин Н.А. На службе трёх императоров. Воспоминания. М., 1996. С. 406.

⁶⁵ ГА РФ, ф. Р-5956, оп. 1, д. 52, л. 283 об.–285.

⁶⁶ Каширин Б.В. Взятие горы Маковка: Неизвестная победа русских войск весной 1915 года. М., 2010. С. 44–45.

⁶⁷ Соколов Б.В. СССР и Россия на бойне. Людские потери в войнах XX века. М., 2013. С. 18–34, 112.

⁶⁸ Базаревский А. Наступательная операция 9-й русской армии. Июнь 1916 года. Прорыв укрепленной полосы и форсирование реки. М., 1937. С. 108.

знаки хорошей дисциплинированности и боевой выучки. А.Е. Егоров, в 1914 г. командовавший ротой 165-го пехотного Луцкого полка, увидев 13(26) августа у деревни Княже, как в первом бою чешские (sic!) части сдавались, только сделав последний выстрел по атакующим в упор, навсегда расстался с довоенным представлением о том, что «австрияки» не окажут упорного сопротивления⁶⁹. Л.В. Саянский, попавший на австрийский фронт осенью 1914 г., в 1915 г. утверждал, что австрийцы «сильные и упорные враги», которые «умеют умирать, дорого продавая свою жизнь». По его словам, русские солдаты «их уважают и считают равными себе»⁷⁰. В то же время М.Л. Грицюк (в 1914 г. фельдфебель 127-го пехотного Путивльского полка) в 1929 г. писал, что «в отношении стрелкового искусства, а также маневрирования частей войск, самоокапывания, стойкости солдата и пр[оч.] мы были на голову выше австрийцев»⁷¹.

Так или иначе, труд О.Р. Айрапетова не только выводит изучение истории Первой мировой войны в нашей стране на новый уровень, но и ставит перед исследователями не решённые ещё задачи.

Давид Мартиросян: Война в Закавказье

*David Martirosian (Ministry's of defense Research Institute, Russia):
Fighting in Transcaucasia*

Всем специалистам, изучающим Русско-турецкий (Кавказский) фронт Первой мировой войны, будет интересно ознакомиться с новой книгой О.Р. Айрапетова, ставшей весомым вкладом в современную историографию.

В опубликованных им томах дан развёрнутый анализ военных действий в Закавказье в 1914–1915 гг. Говорится в них и о военных преступлениях турецких войск против мирного христианского населения (армян, ассирийцев, греков). При этом автор не только привлёк максимально возможное для обобщающей работы количество опубликованных источников, но и оригинально интерпретировал содержащиеся в них данные. Хотя, конечно, без прочной опоры на базовые архивные фонды трудно избежать фактических ошибок и субъективизма в изложении тех или иных спорных сюжетов.

Так, в главе, посвящённой зимней кампании 1914/15 г. (I, 222–236), автор решительно утверждает, что вступление Турции в войну, несмотря на многочисленные донесения разведки и дипломатов, застало Россию врасплох. Это может создать у читателя ошибочное впечатление, будто в Кавказском военном округе вовсе не ожидали нападения турок. Между тем в дальнейшем говорится лишь про некоторые ошибочные представления командования о характере предстоящих боёв на второстепенных участках театра военных действий. Конечно, с определёнными оговорками можно согласиться с тем, что под влиянием гражданской администрации начальство округа совершило ошибку, поверив в лояльность местного мусульманского населения. Именно поэтому для военных оказался неожиданным масштаб восстания, охватившего ряд приграничных территорий.

Тем не менее с первых же дней войны русские генералы, следуя «Высочайшим указаниям главнокомандующему войсками Кавказского военного округа

⁶⁹ ГА РФ, ф. Р-5956, оп. 1, д. 23, л. 3.

⁷⁰ Саянский Л.В. Три месяца в бою: Дневник казачьего офицера // Великая война. 1914 г.: Сборник историко-литературных произведений. М., 2014. С. 96.

⁷¹ ГА РФ, ф. Р-5956, оп. 1, д. 45, л. 23.

на случай войны с Турцией» 1910 г., взяли инициативу в свои руки. 19 октября (1 ноября) 1914 г. части Ольгинского, Сарыкамышского, Кагызманского и Эриванского отрядов перешли границу. На главном – Эрзурумском – направлении основная роль отводилась Сарыкамышскому отряду, который возглавил командир 1-й Кавказской казачьей дивизии генерал-лейтенант Н.Н. Баратов. Боевые действия этого отряда, продолжавшиеся до 11(24) ноября, известны в отечественной историографии как Кёприкёйское встречное сражение. Поскольку оно предусматривалось в предвоенных планах, едва ли следует говорить о неподготовленности России к столкновению с Турцией.

Айрапетов впервые обращает внимание широкого круга читателей на «Аджарское восстание» – мятеж протурецки настроенных мусульман, бушевавший на территории Батумской и Карсской областей Российской империи с ноября 1914 по апрель 1915 г. В советское время он практически не изучался, поскольку явно не вписывался в представления о национально-освободительной борьбе покорённых царизмом народов Кавказа. В результате автору пришлось, опираясь на статьи военных корреспондентов петроградских газет, восстанавливать хронологию и детали тех событий. Отдавая должное упорству и целеустремлённости Айрапетова, следует всё же признать ограниченную информативность подобных сообщений в условиях военной цензуры, что делает неизбежным наличие многочисленных пробелов в этой части книги.

Анализируя оперативные решения русского командования в период проведения Сарыкамышской операции, Айрапетов справедливо критикует действия генерал-лейтенанта А.З. Мышлаевского. Но, опираясь преимущественно на источники личного происхождения, исследователь невольно допускает неточности. По мнению Айрапетова, в декабре 1914 г. критическая ситуация на Кавказском фронте сложилась из-за того, что Мышлаевский проигнорировал результаты проведённой в июле 1914 г. штабной игры, подтвердившей возможность выхода крупных сил противника через Бардузский перевал к Сарыкамышу. Однако, согласно архивным документам, игра проходила с учётом обстановки летнего времени, а операция началась зимой, при морозе и заваленных снегом горных дорогах и перевалах. Поэтому не только Мышлаевский, но и практически весь командный состав Кавказской армии не ожидал, что турки предпримут столь рискованный манёвр. Кроме того, сосредоточившись на описании боёв в районе Сарыкамыша, автор вынужден жертвовать освещением менее заметных, но крайне важных для понимания операции обстоятельств.

Столь же сложно было соблюсти «золотую середину» между необходимостью компактно очертить перипетии русско-турецкого конфликта, возникшего зимой 1914/15 г. в северо-западной части Персии, и изложением всех существенных нюансов, характеризующих историческую ситуацию стремления местной русофобски настроенной элиты изгнать чужеземцев, опираясь на поддержку турок, и особенностей превращения «нейтрального» государства в арену противостояния. Говоря о направлении в Персию экспедиционного корпуса под командованием генерал-лейтенанта Н.Н. Баратова (II, 245–246), автор не поясняет, почему во второй половине 1915 г. в Петрограде возобладали сторонники силового решения персидской «проблемы». Сам Айрапетов склоняется к тому, что ввод русских войск был неизбежен для предотвращения вступления Персии в войну на стороне Германии и Турции. В этом он явно следует за русской эмигрантской историографией, не учитывая многочисленные

исследования советского периода⁷². Между тем подобное развитие событий свидетельствовало о провале проводившейся до того политики. Прибегнув к помощи армии в борьбе с германо-турецкими наёмниками и отрядами местной оппозиции, российские дипломаты признали, что ситуация вышла из-под их контроля. В итоге корпус Баратова без особого труда справился с противостоявшими ему формированиями, однако вовлечение ещё одной страны в вооружённый конфликт означало, помимо прочего, что и без того обширный и сложный по природно-климатическим условиям Кавказский фронт увеличивался на несколько сотен километров, достигнув к началу 1916 г. своей максимальной длины в 1 200 км. Рассматривать это как пример дальновидности и военной эффективности довольно сложно.

Фёдор Гайда: «Священное единение», которого не было

*Fedor Gaida (Lomonosov Moscow State University, Russia):
«The holy unity» that never existed*

В своей новой книге О.Р. Айрапетов показывает тесную взаимосвязь военных действий и внутриаполитической борьбы в России в 1914–1915 гг., подводя читателя к размышлению о непосредственных причинах крушения империи. Военное руководство серьёзно влияло тогда на расстановку сил в стране, и, наоборот, политические события в тылу в конечном счёте сыграли определяющую роль в поражении русской армии. Первая мировая война не стала для России «Второй Отечественной» именно потому, что слишком сильны были те, кто стремился использовать столкновение с внешним врагом для победы над своими противниками внутри государства. При этом Айрапетов очень далёк от мысли, будто Россия проиграла войну из-за заговорщической деятельности неких вражеских агентов (подобные современные «концепции» являются лишь своеобразной реинкарнацией старого либерально-оппозиционного мифа о «тёмных силах», мешавших победе).

Айрапетов обращает внимание на принципиальные особенности «священного единения», которое было объявлено в России летом 1914 г. по примеру её западных союзников. О «патриотическом угаре» оппозиции говорить не приходилось, а все, кто в него поверил, совершили фатальную политическую ошибку. Тем более что борцы с самодержавием и не скрывали своих планов. Судя по речи, произнесённой П.Н. Милюковым 26 июля 1914 г., думские кадеты отнюдь не отказывались от борьбы с правительством на весь период войны и обещали вернуться к ней, «когда настанет время». Лидер «Партии народной свободы» говорил об этом даже несмотря на угрозу закрытия ведущей кадетской газеты «Речь», фактическим руководителем которой он являлся (I, 71, 74). Вскоре после создания Земгора кадетские «Русские ведомости» уже требовали новых уступок общественности⁷³ и писали, что для призрения семей воинов нужны не создававшиеся МВД бюрократические учреждения, а общественная инициатива⁷⁴. В начале войны умеренно-социалистический «День» утверждал:

⁷² Вызывает недоумение и то, что О.Р. Айрапетов избегает употребления устоявшихся в отечественной историографии обозначений тех или иных сражений и операций (Кёприкёйское встречное сражение, Сарыкамышская оборонительная операция и т.д.), хотя он, разумеется, хорошо знаком с трудами Н.Г. Корсуна и Е.В. Масловского.

⁷³ Щепкин Н. Союз городов России // Русские ведомости. 1914. 10 августа.

⁷⁴ Русские ведомости. 1914. 14 августа.

Россия «ждёт от правительства твёрдых заявлений, что над родиной нашей встаёт заря новой свободной жизни»⁷⁵. Октябристский «Голос Москвы» ещё накануне созыва «исторического заседания» Думы сообщал о возможных переменах в Совете министров и указывал, что правительство должно формироваться «преимущественно» из среды общественных деятелей. «Несмотря на всю важность европейских событий, – отмечалось в гучковской газете, – нельзя упускать из виду и вопросы внутренней политики»⁷⁶. В тот же день октябристский ЦК выпустил воззвание, в котором упоминалось о необходимости «усовершенствования внутреннего государственного порядка» после окончания войны⁷⁷. Но это вовсе не означало, что подготовка к нему не начнётся заранее. Иными словами, «священное единение» являлось лишь тактическим приёмом (причём достаточно прозрачным), рассчитанным на постоянные и масштабные политические уступки. И они делались с самого начала войны.

Земгор получал казённое финансирование и одновременно освобождался от государственного контроля. Многие чиновники видели в этом опасный недосмотр, но на самом деле подобная практика стала следствием рискованной политической игры. Поддержку данным общественным организациям оказывали Верховный главнокомандующий вел. кн. Николай Николаевич и главноуправляющий земледелием и землеустройством А.В. Кривошеин (I, 75–77), являвшийся в январе 1914 – августе 1915 г. наиболее влиятельным членом правительства. По сути это было продолжением «либеральной пьесы», инициированной Кривошеиным ещё до начала войны для установления стратегического сотрудничества с либеральной общественностью⁷⁸. В военную победу главноуправляющий не верил⁷⁹, и это лишь усиливало его желание сговориться с оппозицией, произведя перемены в Совете министров. Уже 30 июля внимательно следивший за расстановкой сил в правящих кругах генерал Е.В. Богданович сообщал Николаю II, что Кривошеин «начинает играть опасную, вредную роль», мечтает возглавить правительство или МВД, заручился поддержкой военного и морского министров, «завладел слабым и, увы, безвольным Горемыкиным и подкапывается под Н.А. Маклакова»⁸⁰.

Заинтересованные в общественной поддержке Ставка и правительственные либералы оказались союзниками в борьбе против военного министра В.А. Сухоминова и министра внутренних дел Н.А. Маклакова (II, 173). Айрапетов показывает, как «снарядный голод», шпиономания и антигерманские настроения использовались во внутриполитической борьбе. Почва для массированного удара была создана ещё до начала Великого отступления 1915 г. Однако именно отступление войск стало поводом для наступления на власть: теперь громкие победы одерживались на внутреннем фронте. В первую очередь речь шла о размещении военных заказов, вызывавшем острую конкуренцию между петроградскими и московскими торгово-промышленными кругами. В кризисной обстановке успеха добивался тот, кто повышал градус политического давления,

⁷⁵ День. 1914. 26 июля.

⁷⁶ Политические слухи // Голос Москвы. 1914. 25 июля.

⁷⁷ Голос Москвы. 1914. 26 июля.

⁷⁸ Гайда Ф.А. «Министерская забастовка» 1913 г.: IV Государственная дума и формирование «Нового курса» правительства // Таврические чтения 2010. Актуальные проблемы истории парламентаризма. СПб., 2011. С. 192–202; *он же*. «Просто “мы”»: Кривошеин и кадеты в поисках согласия (1913–1914) // Вестник Российского гуманитарного научного фонда. 2009. № 4. С. 41–51.

⁷⁹ Барк П.Л. Июльские дни 1914 г. Начало великой войны // Возрождение. 1959. № 91. С. 19–24.

⁸⁰ РГИА, ф. 1620, оп. 1, д. 1, л. 26–27.

легко прикрывавшегося «патриотической тревогой». Москвичи, привыкшие к оппозиционному задору, борьбу на этом этапе выиграли, в качестве приза получив военно-промышленные комитеты – гениальное изобретение, позволявшее эффективно осваивать казённые кредиты. Лидеры ВПК также попытались усилить своё влияние за счёт создания рабочих групп. Рабочая группа Центрального военно-промышленного комитета должна была, по замыслу А.И. Гучкова, А.И. Коновалова и др., координировать стачечное движение по всей стране (сдерживать его на одних предприятиях и провоцировать на других, принадлежавших конкурентам, для срыва выполнения заказов и их последующего перераспределения). Поскольку иные рабочие организации фактически не действовали, данный план не был изначально обречён на провал. Однако рабочие отнеслись к новому начинанию без особого доверия. Рабочая группа ЦВПК вскоре развернула борьбу за свою самостоятельность от промышленников⁸¹ и, как верно отмечает Айрапетов, так и не стала их орудием (II, 207–209).

Оппозиция нуждалась в Государственной думе, поскольку только она, пусть и избранная на основании закона 3 июня 1907 г., могла вещать от имени всей страны. Максимально расплывчатый и по-своему беспринципный лозунг «министерства доверия» позволил кадетам летом 1915 г. не только завладеть политической инициативой в Думе, но и возглавить широкие ряды оппозиции. Это означало стратегическое поражение Кривошеина. Конечно, Прогрессивный блок мог поддержать его назначение главой правительства (II, 202), но только в том случае, если оно будет техническим, подчинённым думскому большинству. По сути, это было повторением условий, выдвинутых кадетами гр. С.Ю. Витте в октябре 1905 г.: они не собирались вступать в его правительство и разделять с ним ответственность, но были готовы использовать его как послушного профессионала. Теперь же согласие власти на формирование Совета министров по указанию Прогрессивного блока в тот момент, когда немцы уже вошли в Варшаву, могло закончиться срывом в анархию. К тому же никакого согласованного списка «кабинета» у думского большинства не имелось и, пожалуй, быть не могло – он так и не появился вплоть до марта 1917 г. Когда оппозиции всё же пришлось сформировать «министерство доверия» из собственной среды, оно не продержалось и двух месяцев.

В августе–сентябре 1915 г. власть предприняла ряд шагов, направленных на прекращение «либеральной пьесы»: вел. кн. Николай Николаевич получил назначение на Кавказ, Дума была распущена, ультиматум правительственного большинства царю отвергнут, МВД возглавил А.Н. Хвостов. Однако все эти меры стали лишь ответными и вынужденными. Как отмечает Айрапетов, вступление Николая II в должность Верховного главнокомандующего вполне соответствовало общеевропейской практике. Одновременно император согласился лично присутствовать на торжественном открытии Особых совещаний и обратиться к их членам с речью, подготовленной А.А. Поливановым, незадолго до этого возглавившим Военное министерство. В ней говорилось, что совещания «с полным доверием» предоставляются «исключительно широкие полномочия», допускалась даже возможность созыва их совместного заседания под председательством царя⁸². Родзянко и иные депутаты тут же выступили с

⁸¹ Гайда Ф.А. Либеральная оппозиция на путях к власти: 1914 – весна 1917 г. М., 2003. С. 167–168.

⁸² Шаховской В.Н. «Sic transit gloria mundi» (Так проходит мирская слава). 1893–1917 гг. Париж, 1953. С. 123–124.

критическими «деловыми» речами. После заседания Николай II беседовал с членами Думы, взял у кадета А.И. Шингарёва письменный доклад и пожал ему руку со словами: «Я очень, очень благодарю Вас за Вашу работу; я всё прочту; я знаю, что многое плохо у нас. Будем стараться это исправить». К концу собрания в зал вошла императрица Александра Фёдоровна с наследником и также приняла участие в общении с депутатами⁸³. Ничего фатального в решении Николая II возглавить армию не было, а реакция войск на него отнюдь не являлась столь однозначно отрицательной, как это казалось оппозиции (II, 186, 200–201). Между тем удаление великого князя позволило устранить из деятельности Ставки не только совершенно излишнюю, но и просто опасную политизацию. Как показали события, репутация монарха могла пострадать от военных неудач независимо от того, кто именно являлся главнокомандующим. Однако стратегических поражений в сентябре 1915 – феврале 1917 г. не было, отчасти даже, наоборот, боевые действия стали складываться более успешно.

За приостановку заседаний Думы после того, как переговоры депутатов с министрами оказались сорваны, выступали даже соратники Кривошеина в правительстве. Попытавшийся после окончания сессии лоббировать политические требования Земгора министр внутренних дел кн. Н.Б. Щербатов, проявивший уже явную некомпетентность, уступил свой пост А.Н. Хвостову – мастеру политических манипуляций⁸⁴. Вплоть до начала 1916 г. думская оппозиция была серьёзно дезориентирована, пока сам Хвостов не запутался в хитросплетениях собственной политики⁸⁵. В результате, пользуясь возрастающими в стране проблемами, оппозиция сумела заставить власть играть по своим правилам. Однако, как показывает книга О.Р. Айрапетова, такое развитие событий вело к ожесточённой внутренней борьбе, ставившей под сомнение обороноспособность России.

Станислав Тютюкин: На внутреннем «фронте»

*Stanislav Tiutiukin (Institute of Russian history, Russian Academy of sciences):
At the inner front*

Действия на внутреннем, антицаристском «фронте» (к которому с 1915 г. добавились и политические стачки рабочих, а также некоторые национальные движения) шли в годы войны по нарастающей. В основе их лежал тот социальный, идейно-политический, национальный и религиозный раскол российского общества, который ярко проявился ещё в 1905–1907 гг. и не был преодолён в период столыпинской «передышки». Больше того, в 1912 – первой половине 1914 г. он вновь стал всё отчётливее проявляться и лишь ненадолго оказался заглушён и деформирован патриотической эйфорией первых военных месяцев 1914–1915 гг.

Деятельность IV Государственной думы и особенно её радикального крыла (социал-демократической фракции и Трудовой группы) длительное время явно недооценивалась. Думу полупрезрительно считали «пустой говорильней», а большинство депутатов – неким чуть ли не антинародным элементом,

⁸³ Каннист И.И. Перед крушением империи // Возрождение. 1933. 30 марта.

⁸⁴ Гайда Ф.А. Либеральная оппозиция на путях к власти... С. 126, 130–132, 135; Барк П.Л. [Воспоминания] // Возрождение. 1966. № 173. С. 96; Глобачёв К.И. Правда о русской революции: Воспоминания бывшего начальника Петроградского охранного отделения. М., 2009. С. 95–96.

⁸⁵ Гайда Ф.А. Либеральная оппозиция на путях к власти... С. 159–166, 172–179.

прислужниками царизма и т.д. Между тем это было не так, и арест пятерых большевистских депутатов (Г.И. Петровского, А.Е. Бадаева, М.К. Муранова, Ф.Н. Самойлова и Н.Р. Шагова) вовсе не означал, что в Таврическом дворце больше не осталось революционеров и социалистов, поскольку меньшевистская фракция РСДРП и Трудовая группа, во многом близкая к партии эсеров, сохранялись, да и либералы в ходе войны эволюционировали влево.

Государственная дума являлась тогда единственной узаконенной общероссийской политической трибуной, с которой можно было, пользуясь депутатской неприкосновенностью и отчасти преодолевая «запретительную» манеру поведения председателя – октябриста М.В. Родзянко, критиковать власть за её ошибки, просчёты и упущения в деле обороны страны, организации народного хозяйства и жизни общества. К сожалению, автор книги слишком кратко пишет о позиции думских социал-демократов и трудовиков (а о чём-то и умалчивает), хотя она очень важна для понимания роли и настроений Думы в целом.

Первая после объявления войны однодневная сессия Государственной думы состоялась 26 июля. После речей Родзянко, главы правительства И.Л. Горемыкина и некоторых других официальных лиц слово, согласно тщательно разработанному заранее сценарию, было предоставлено руководителям крупнейших думских фракций (I, 71–74).

Первым из них на трибуну поднялся А.Ф. Керенский – член, а фактически руководитель Трудовой группы, представлявшей прежде всего интересы «мужицкого царства». К тому времени этот «калиф на час», как иронично пишет о нём Айрапетов, напоминая о его роли в 1917 г., уже составил себе довольно громкое имя и в Думе, и за её пределами, благодаря участию в общественном расследовании обстоятельств печально знаменитого Ленского расстрела сибирских рабочих в 1912 г. и в резонансном суде над М. Бейлисом, обвинявшимся в ритуальном убийстве и оправданном присяжными. Керенский ещё накануне на заседании Совета старейшин Думы предлагал направить Николаю II программу реформ, включавшую амнистию политических заключённых и эмигрантов, предоставление автономии Польше, провозглашение свободы деятельности рабочих организаций, изменение унижительного положения евреев и т.д. Осуществление этих мер свидетельствовало бы о некоторой либерализации царского режима в условиях войны, однако данное предложение было решительно отвергнуто Родзянко⁸⁶. Поэтому в своей краткой речи Керенский посветовал на то, что «власть наша даже в этот страшный час не хочет забыть внутренние распри», примириться с нерусскими народами империи и облегчить положение трудящихся классов. Позицию же своей группы он сформулировал так: сначала нужно защитить Россию от врага, а потом освободить её «от страшных внутренних пут»⁸⁷. Этим, судя по стенограмме, он даже сорвал аплодисменты «слева, в центре и на отдельных местах справа». Характерно, что сначала Керенский рассчитывал выступить 26 июля с единой декларацией от имени трудовиков и всех социал-демократов, но те отказались поддержать его патриотическое «оборончество».

Сложнее обстояло дело с выступлением представителя РСДРП. Айрапетов умолчал о том, что к тому времени в Думе действовали уже две марксистские фракции – большевистская и меньшевистская, каждая из которых имела право выставить своего оратора. Но пятёрка большевистских депутатов от рабочих

⁸⁶ Керенский А.Ф. Россия в поворотный момент истории. М., 2006. С. 133.

⁸⁷ Государственная дума. 1906–1917. Стенографические отчёты. Т. IV. М., 1995. С. 21.

оказалась тогда полностью дезориентирована недавним и поспешным, без всяких объяснений, отъездом за границу их лидера Р. Малиновского. Лишь позднее, в 1917 г., выяснилось, что он был провокатором и полиция, опасаясь его публичного скандального разоблачения, приказала ему немедленно покинуть столицу. Не сумев в этой ситуации вовремя подготовить собственную антивоенную декларацию, большевики согласились выступить 26 июля совместно с шестью меньшевиками, чем потом вызвали гнев В.И. Ленина. Текст заявления обсуждался обеими социал-демократическими фракциями⁸⁸, а огласить его с думской трибуны поручили выходцу из рязанских крестьян, токарю из Уфы меньшевику В.И. Хаустову.

Как раз накануне войны именно меньшевики обратились в Международное социалистическое бюро с ходатайством о том, чтобы предстоявший в августе 1914 г. в Вене очередной конгресс II Интернационала принял решение о новом, как в 1906 г., их объединении с большевиками для укрепления позиций РСДРП и подготовки новой революции в России. Конгресс этот в связи с началом войны не состоялся, сорвалось и объединение меньшевиков с большевиками, однако к моменту однодневной июльской сессии данный вопрос ещё обсуждался, причём в Вене он, скорее всего, был бы решён в пользу меньшевиков.

Известно, наконец, что Родзянко, особенно придиричливо относившийся к выступлениям социал-демократов, перед сдачей в печать стенограммы с речью Хаустова сильно её отредактировал⁸⁹, оставив в ней, однако, несколько явно невыгодных для власти мест. Так, в думском отчёте сказано, что, по мнению РСДРП, начавшаяся война – это великое бедствие для народов всех воюющих стран (!), но русские рабочие в силу ряда сложившихся обстоятельств (?) не смогли прежде открыто выступить с протестом (!) против неё. Война объяснялась политикой захватов (чьих и каких?), и ответственность за её начало возлагалась на правящие круги всех воюющих стран. Далее провозглашалось, что «пролетариат, постоянный защитник свободы и интересов народа (!), во всякий момент будет защищать культурные блага народа от всяких посягательств, откуда бы они не исходили (Рукоплескания)». При этом трудно было понять, имелись ли в виду посягательства врага или русского правительства. И хотя, как отмечалось в заявлении, пролетариат воюющих стран «не мог помешать возникновению войны и тому разгулу варварства, который она с собой несёт», но уж условия будущего мирного договора должны диктоваться не дипломатами, а самим народом, и только тогда теперешнее вооружённое столкновение окажется последним. Таким образом, антивоенный характер декларации РСДРП даже после сделанных Родзянко сокращений остался для депутатов и позднейших читателей вполне очевидным.

В советский период, как известно, слова о защите пролетариатом «культурных благ народа» однозначно интерпретировались как проявление меньшевистского социал-шовинизма (недаром зал этому рукоплескал). Но и сам Ленин осенью 1914 г. в своей статье «О национальной гордости великороссов» признавал, что рабочим отнюдь не чуждо это благородное человеческое чувство и они тоже любят свою родину и родной язык⁹⁰. Поэтому данное обвинение, ко-

⁸⁸ Бадаев А. Большевики в Государственной думе. Воспоминания. М., 1954. С. 345.

⁸⁹ Там же. С. 346. Анализ стенограммы (Государственная дума... Т. IV. С. 21–22) также свидетельствует о постороннем вмешательстве в текст.

⁹⁰ См.: Ленин В.И. ПСС. Т. 26. С. 107.

торое было в своё время по существу единственным со стороны самых строгих уже советских критиков, теперь представляется надуманным.

Не совсем ясно, почему Айрапетов, далеко не полностью процитировав декларацию РСДРП и особо отметив содержавшееся в ней обещание социал-демократов от имени пролетариата защищать культурные блага народа, назвал их действия тактикой «революционного непобежденчества». Такое выражение никем раньше не использовалось и вряд ли будет понятно читателю. По сути же, ни депутаты, ни правительство так и не услышали от Хаустова, а точнее от тех интеллигентов, которые составляли его речь, каких-либо пожеланий побед русского оружия, обещаний социального мира в стране или признания начавшейся войны Отечественной.

Автор не упомянул о том, что 26 июля перед голосованием за дополнительные кредиты, передававшиеся в распоряжение правительства на военные нужды, обе фракции РСДРП покинули в знак протеста зал заседаний Думы, а трудовики воздержались от голосования. Кстати, меньшевики и трудовики аналогично поступали и в 1915–1916 гг. Ничего не сказано в двухтомнике и о проходившем в феврале 1915 г. суде над большевистскими депутатами, арестованными в ноябре 1914 г. на их партийном совещании в Озерках под Петроградом и сосланными в Сибирь без указания срока. Сначала им мог грозить даже расстрел, и поэтому член большевистского ЦК Л.Б. Каменев, который по поручению Ленина фактически руководил депутатами, убедил их отречься на следствии и на самом процессе от ленинского «пораженчества», несмотря на то что раньше, до своего ареста, они не раз с ним солидаризировались. Очевидно, здесь сыграл свою роль, прежде всего, явный страх Каменева, который передался и депутатам. Впрочем, Ленину, находившемуся в эмиграции, проще и безопаснее было объявлять поражение царизма «меньшим злом» по сравнению с победой русских войск⁹¹. Характерно, что петроградские рабочие из чувства самосохранения также не захотели в 1914 и 1915 гг. бастовать в защиту большевистских депутатов.

Лидер же партии кадетов П.Н. Милюков 26 июля фактически наложил мораторий на все выступления членов своей партии против царизма, оговорив лишь, что «когда настанет время, фракция... вновь будет указывать на единственно возможный путь к внутреннему обновлению России», в соответствии с их прежней позицией. Не ставя правительству никаких условий и требований, Милюков заявил: «Мы просто кладём на весы борьбы нашу твёрдую волю одолеть насильника». На всех депутатских местах, как сказано в стенограмме, раздались тогда рукоплескания и голоса «браво»⁹².

В целом же летом 1914 г. царизм ещё полностью удерживал ситуацию в стране в своих руках: первая мобилизация в армию прошла довольно успешно, пьяные эксцессы части призывников вскоре были преодолены принятием «сухого закона», запрещавшего на время войны продажу алкоголя; стачки рабочих практически прекратились; строгая цензура создавала видимость некоего «единомыслия» в стране, а полиция резко усилила наблюдение за разного рода «неблагонадёжными» элементами. Однако уже в августе серьёзное поражение в Восточной Пруссии, как холодный душ, отрезвляюще подействовало и на армию, и на всё российское общество, ждавшее одних только побед над врагом. Правда, вскоре, как будто в утешение, последовали победы русского оружия в

⁹¹ Там же. С. 21.

⁹² Государственная дума... Т. IV. С. 24.

Галиции. Тем не менее рука, протянутая Милюковым царизму от имени всей либеральной оппозиции, буквально повисла в воздухе, так как ни на какие уступки обществу император идти не собирался.

Следующая думская сессия прошла в конце января 1915 г. и продолжалась всего три дня, о чём кратко пишет Айрапетов (II, 42–43). Милюков к тому времени уже потерял всякую надежду на возможность какого-либо соглашения с властью. Керенский и Чхеидзе критиковали правительство за арест большевистских депутатов и разгул цензуры, выступали за скорейшее заключение мира и прекращение войны. Керенский назвал идущую войну «не нашей», но до её окончания всё же призывал защищать родину от врага, решительно отмежевываясь от «пораженцев». Главное же, по его мнению, заключалось в том, что народ «созрел к власти и идёт к созданию нового государства»⁹³.

В России росла волна недоброжелательности по отношению к людям с немецкими фамилиями, стала широко распространяться шпиономания, дело дошло до казни без достаточных улик жандармского подполковника С.Н. Мясоедова (II, 38–42, 56–59). Общественность была недовольна казавшейся ей подозрительной безынициативностью военного министра В.А. Сухомлинова.

Апрель–сентябрь 1915 г. прошли под знаком Великого отступления русской армии из западных районов империи на восток, причём вслед за войсками покидали родные места и потоки беженцев. Перед читателем второго тома труда Айрапетова (получившего нетрадиционное, но, к сожалению, так и не разъяснённое читателям название «Апогей») предстаёт многомесячная полоса крупных неудач наших войск. В этих боях фактически была потеряна вся русская кадровая армия, включая и её офицерский корпус, а в руках противника оказались Царство Польское, Литва и Галиция. Настоящим проклятием для русских войск стал острейший кризис вооружений и боеприпасов. О настроениях в тылу можно судить по достаточно подробно описанному автором трёхдневному антинемецкому погрому в Москве в мае 1915 г. (II, 80–85), прежде не освещавшемуся в историографии. Таким образом, 1915 г. оказался апогеем поражений царской России, тогда как впоследствии война всё больше стала принимать новый, позиционный и более рутинный характер.

Во второй половине 1915 г. в стране стали чаще возникать экономические затруднения, и народные массы, особенно рабочие, уже не так безропотно, как прежде, сносили военные тяготы и всё меньше понимали цели продолжения этого страшного кровопролития. Даже правительственные «верхи» уже готовы были идти на второстепенные уступки общественному мнению и определённую «достройку» государственного аппарата (Особые совещания по обороне, топливу и продовольствию), а либеральная оппозиция решилась, наконец, если не на «штурм», то хотя бы на более плотную осаду власти. Поэтому можно только пожалеть о том, что Айрапетов уделил очень мало внимания более продолжительной, чем предыдущие, сессии Государственной думы, приуроченной к первой годовщине начала мировой войны (19 июля – 3 сентября 1915 г.).

Не считая более смелых и резких, чем раньше, речей депутатов, главным её достижением стало создание оппозиционного Прогрессивного блока, которым фактически руководили кадеты и их лидер Милюков. В состав блока вошли 236 из 397 наличных на тот момент депутатов (60%), а ещё 32 думца к нему при-

⁹³ Государственная дума. Четвёртый созыв. Сессия III. Стенографические отчеты. Пг., 1915. Стб. 45–49.

мыкали (многие из них являлись масонами)⁹⁴. Вскоре блоком был установлен прямой контакт с частью членов Государственного совета. Между тем Николай II ему явно не доверял.

Главные требования Прогрессивного блока звучали достаточно скромно и сводились к созданию «объединённого правительства из лиц, пользующихся доверием страны», причём основная его деятельность развернулась уже в 1916 г. Поскольку проведения серьёзных социальных реформ блок не планировал, ограничившись требованием автономии Польши, восстановления закрытых профсоюзов, прекращения преследования евреев и т.п., думские радикалы в него не вошли. Однако меньшевики и трудовики всё же успели высказаться с думской трибуны в откровенно революционном духе. Так, Чхеидзе уже 19 июля характеризовал ситуацию в России как кризисную и утверждал, что «правительство должно уйти, народ должен взять в свои руки судьбу страны»⁹⁵. А 14 августа 32 депутата (во главе с социал-демократами), беспокоившиеся о судьбе своих товарищей-большевиков, подняли вопрос о полном пересмотре их дела и возвращении из ссылки. Их арест открыто назвали незаконным и ошибочным видный кадет В.А. Маклаков и прогрессивный националист В.В. Шульгин. Но и тогда из этой затеи ничего не вышло, и из Сибири большевистских депутатов до 1917 г. так и не вернули.

Заметно активизировался летом 1915 г. А.Ф. Керенский. Незадолго до думской сессии он, как и в 1905–1906 гг., вступил в непосредственный контакт с эсерами, проведя 16–17 июля на своей квартире в Петрограде большое совещание неонародников. Сделав на нём два доклада, он пытался убедить слушателей в том, что «наступил момент для решительной борьбы за власть». Ближайшими же задачами революционных партий Керенский считал амнистию осуждённых по политическим и религиозным делам, созыв Учредительного собрания и предоставление всем россиянам политической свободы⁹⁶. В июле–августе Керенский неоднократно выступал в Думе. Особенно запомнилась депутатам его речь 8 августа, когда он впервые заявил – и это был настоящий вопль его души и верх смелости: «Мы должны сказать всем, кто сейчас не по праву держит в своих руках власть: уйдите, вы губите страну! Мы хотим её спасти, дайте нам управлять страной – иначе она погибнет»⁹⁷. Разумеется, управлять Россией Керенскому тогда не дали, а известный реакционер Н.Е. Марков 2-й ответил ему с трибуны: «С такой нервностью нельзя управлять... 180 млн российского народа. Вот почему мы подождём передавать вам власть (смех справа)»⁹⁸. Тем не менее это была первая публичная заявка Керенского на власть.

Летом 1915 г. по-настоящему «надавить» на власть думским радикалам и либералам не удалось, и 3 сентября депутатов снова на несколько месяцев распустили, и только Керенский при полном молчании коллег крикнул: «Да здравствует русский народ!» После этого он вновь вернулся к совместной работе с петроградскими эсерами, отходя от своего прежнего «оборончества», и старался расположить их в пользу решений состоявшейся в сентябре в Швей-

⁹⁴ См.: Дёмин В.А. Прогрессивный блок // Российский либерализм середины XVIII – начала XX века. Энциклопедия. М., 2010. С. 707.

⁹⁵ См.: Государственная дума. Четвёртый созыв. Сессия IV. Стенографические отчёты. Т. 1. Пг., 1915. Стб. 119–130.

⁹⁶ Сыпченко А.В. Народно-социалистическая партия в 1907–1917 гг. М., 1999. С. 172–174.

⁹⁷ Государственная дума. Четвёртый созыв. Сессия IV. Стенографические отчёты. Т. 1. Стб. 537.

⁹⁸ Там же. Стб. 540.

царии Циммервальдской международной социалистической конференции, выражавшей мнение интернационалистов и пацифистов⁹⁹.

Несомненным достоинством книги Айрапетова является то, что он отмечает роль в общественно-политической жизни России рабочей группы Центрального военно-промышленного комитета, образованной осенью 1915 г. (II, 207–209). ВПК создавались тогда повсеместно для привлечения буржуазии к делу обороны страны, а рабочие должны были проходить при них «школу гражданственности» и содействовать обеспечению социального мира. Как известно, большевики не захотели участвовать в этих организациях и помогать тем самым буржуазии и царизму вести несправедливую и ненужную народу войну. Меньшевики же решили войти в рабочие группы ВПК, чтобы использовать их для организации и политического просвещения пролетариата. Долгое время в советской историографии это решение объявлялось проявлением оппортунизма, однако непредвзятый анализ деятельности рабочей группы ЦВПК во главе с рабочим К.А. Гвоздевым показал, что он и его товарищи сосредоточились тогда на чисто политической антиправительственной работе, объективно осуществляя тем самым подготовку Февральской революции 1917 г.

К сожалению, Айрапетов не приводит заявление, сделанное рабочей группой ЦВПК 3 декабря 1915 г. Очередной задачей пролетариата и всей российской демократии в нём провозглашалась борьба за созыв Учредительного собрания, немедленное осуществление всех гражданских свобод и широкого социального законодательства в пользу трудящихся, отмену всех национальных ограничений, признание за всеми живущими в России народами права на самоопределение, введение 8-часового рабочего дня, передачу земли крестьянам и немедленную амнистию по всем политическим и религиозным делам. При этом указывалось, что, отстаивая свои требования, рабочий класс будет энергично критиковать умеренность и соглашательство либеральной оппозиции, «толкая её на более решительную борьбу с режимом»¹⁰⁰. И это была отнюдь не демагогия, иначе арестованные в конце января 1917 г. члены рабочей группы не находились бы под стражей вплоть до победы Февральской революции.

Остаётся надеяться, что и в последующих томах своей фундаментальной работы О.Р. Айрапетов будет отражать жизнь России в годы войны во всей её сложности и многообразии, не упуская из виду и процесс подготовки освобождения страны от царского режима, который постепенно становился настоящим анахронизмом.

Владислав Аксёнов: Массовые настроения и патриотическая пропаганда в начале Первой мировой войны

Vladislav Aksionov (Moscow State Technical University of radiotechnics, electronics, and automatics, Russia): Public mood and patriotic propaganda in the beginning of World War I

2014 год, как и ожидалось, оказался богатым на события, посвящённые 100-летию начала Первой мировой войны. Международные конференции, энциклопедические издания, коллективные и индивидуальные монографии,

⁹⁹ См.: Тютюкин С.В. Александр Керенский: страницы политической биографии (1905–1917 гг.). М., 2012. С. 82–83.

¹⁰⁰ Меньшевики. Документы и материалы. 1903 – февраль 1917 гг. М., 1996. С. 409. В рабочей группе ЦВПК было 10 членов – 9 меньшевиков (в том числе один провокатор) и 1 эсер.

кажется, наглядно опровергают постоянно звучащие в последнее время слова о том, что в российской исторической памяти Великая война оказалась забыта¹⁰¹. Конечно, известные идеологические перекосы, имевшие место как в отечественной, так и в западной историографии, не позволяют назвать состояние её изученности удовлетворительным. Однако в последние десятилетия вышли исследования, в которых подробно и глубоко освещаются отдельные социально-политические процессы 1914–1918 гг.¹⁰² О.Р. Айрапетов предпринял попытку создать обобщающий труд, лишённый схематизма и ангажированности. Проработанный автором огромный массив источников (прежде всего личного происхождения) позволил ему затронуть едва ли не максимальное количество сюжетов, важных для изучения Первой мировой войны. К сожалению, при этом Айрапетов уходит от характеристики степени изученности рассматриваемых им тем, что затрудняет оценку степени научной новизны его работы.

Вышедшие первые два тома книги, охватывающие события 1914–1915 гг., насчитывают более 80 печатных листов. В них в тесной взаимосвязи рассмотрены проблемы внешней и внутренней политики, военной и социальной истории. Анализируя обстоятельства сараевского убийства, автор воссоздаёт сложную, многофакторную картину, учитывающую как тяжёлое положение сербских кметов, так и незаинтересованность правительства Сербии в военном противостоянии с Австро-Венгрией, рост антисербских настроений в империи Габсбургов, реакцию европейской общественности, осудившей убийство и давшей тем самым Австро-Венгрии определённый «карт-бланш», настроения отдельных политических деятелей, противоречивость военных стратегий, разрабатывавшихся в генеральных штабах будущих участников мирового конфликта. Указывая на то, что германские и австро-венгерские дипломаты желали заставить Россию решать неразрешимую задачу, Айрапетов справедливо усматривает в этом определённый авантюризм европейской политики тех лет (I, 34).

От анализа геополитической обстановки и позиций великих держав в условиях нараставшего конфликта Айрапетов переходит к социальной истории, характеризуя ожидания городских обывателей и обращая внимание, в частности, на несоответствие между официальной агитацией в центральной печати и настроениями, порою антивоенными, народных масс. По мнению автора, ссылающегося на воспоминания генералов А.И. Деникина и А.В. Горбатова, именно неграмотность русского солдата, достигавшая 50% личного состава частей, делала патриотическую пропаганду безуспешной (I, 56). Это в целом соответствует (с погрешностью на 5–10%) выводам обстоятельного научного исследования А.Б. Асташова, который, опираясь прежде всего на архивные ма-

¹⁰¹ Так, только в сентябре 2014 г. прошли две крупные международные конференции в Москве («Первая мировая война – пролог XX века» и «Россия в годы Первой мировой войны 1914–1918 гг.») и одна в Твери («Российское земство: 50 лет мира, 3 года войны»), а издательством «Политическая энциклопедия» выпущены трёхтомная энциклопедия «Россия в Первой мировой войне» (под ред. А.К. Сорокина) и коллективная монография «Россия в годы Первой мировой войны: экономическое положение, социальные процессы, политический кризис» (отв. ред. Ю.А. Петров).

¹⁰² См., в частности: *Колоницкий Б.И.* Указ. соч.; *Булдаков В.П.* Хаос и этнос: Этнические конфликты в России, 1917–1918 гг. Условия возникновения, хроника, комментарий, анализ. М., 2011; *Асташов А.Б.* Пропаганда на русском фронте в годы Первой мировой войны. М., 2012; *он же.* Русский фронт в 1914 – начале 1917 года: военный опыт и современность. М., 2014; *Павлов Д.Б.* Русско-японские отношения в годы Первой мировой войны. М., 2014.

териалы и статистические сборники, установил, что количество неграмотных новобранцев составляло 55–60%¹⁰³. Вместе с тем проблема состояла не только в неумении читать и писать, но и в принципиальных отличиях коллективных стереотипов и особенностей массового сознания различных слоёв населения. Так, даже умевшие читать крестьяне вследствие превалирования образно-метафорического мышления над рационально-логическим могли просто не понять необходимости контроля за черноморскими проливами или оказания помощи Сербии¹⁰⁴.

Распространение ксенофобии в германском, английском, французском и российском обществах описывается в книге преимущественно по материалам «Русского инвалида» – официального издания Военного министерства. Тем самым автор поневоле следует за государственной пропагандой, изображавшей эксцессы в российской столице исключительно как проявления справедливо-го гнева, вызванного известиями о притеснении немцами русских в Берлине. Отмечая попытки манипулирования массовым сознанием практически во всех вовлечённых в войну державах, Айрапетов полагает всё же, что «уровня немецкого организованного энтузиазма в России так и не достигли» (I, 60). Однако и в России патриотический энтузиазм приводил к физическому насилию над представителями враждебных держав, в том числе с летальным исходом.

Не менее сложен и вопрос о трансформации в июле 1914 г. революционных настроений рабочих в патриотические. Согласно статистическим отчётам Петроградского общества заводчиков и фабрикантов, в 1913 г. в столице произошло 624 забастовки, из которых политических было 59%. В июне–июле 1914 г. в Петербурге их насчитывалось уже 337, а доля политических возросла среди них до 81%¹⁰⁵. В 1913 г. количество потерянных рабочих дней составляло 3 868 257, а в 1914 г. (фактически за первые полгода, так как после начала войны их число резко сократилось) – 5 755 072. В июле в столице на Выборгской стороне возводились баррикады, бастующие вступали в вооружённые стычки с полицией, наблюдались перебои с трамвайным движением. В частной переписке обыватели делились друг с другом уличной молвой и предсказывали приближение революции: «Что теперь делается у нас в Петербурге, близко к тому, что у вас было в Москве в 1905 году». Кому-то казалось, будто «революция стучится в дверь»; другие полагали, что «это не революция, до революции ещё далеко, но это грозный симптом»¹⁰⁶. Между тем в день объявления войны рабочие принимали самое непосредственное участие в начавшихся в Санкт-Петербурге патриотических манифестациях. Айрапетов объясняет это порывом, охватившим россиян и оказавшимся сильнее «классово-революционных» принципов: «Воодушевлением первых дней войны прониклись и рабочие северной столицы. Стачки, на которые особое внимание обращали не только германские дипломаты, прекратились» (I, 61). Схожие оценки звучали и в советской историографии¹⁰⁷. Однако на самом деле массовые стачки прекратились ещё за неделю до

¹⁰³ Асташов А.Б. Русский фронт... С. 32.

¹⁰⁴ Подробнее см.: Аксёнов В.Б. Война и власть в массовом сознании крестьян в 1914–1917 гг.: архетипы, слухи, интерпретации // Российская история. 2012. № 4. С. 137–145; он же. Убить икону: визуальное мышление крестьян и функции царского портрета в период кризиса карнавальной культуры 1914–1917 гг. // Ейдос. Альманах теорії та історії історичної науки. Вип. 6. Київ, 2012. С. 386–410.

¹⁰⁵ РГИА, ф. 150, оп. 1, д. 669, л. 12, 77.

¹⁰⁶ ГА РФ, ф. 102, оп. 265, д. 975, л. 64, 75; д. 976, л. 10.

¹⁰⁷ Меницкий И. Революционное движение военных годов (1914–1917). Т. 1. М., 1925; Лей-

начала войны и за пять дней до мобилизации. 12 июля фабриканты отказались от локаута и большинство забастовщиков вернулись в свои цеха. Вероятность массовых расчётов, подобных локауту 20 марта 1914 г., когда за один день было уволено более 70 тыс. человек, пугала пролетариев. Фактически конец июльскому движению положило не начало войны, а соглашение с предпринимателями. При этом патриотический энтузиазм не мешал столичным рабочим на знаменитой патриотической демонстрации 19 июля 1914 г. петь «Марсельезу» и «Варшавянку».

Особое внимание Айрапетов уделяет шпионмании, которая также во многом была вызвана государственной пропагандой. По словам автора, не будучи исключительно русским явлением, шпионмания целенаправленно разжигалась из Ставки, руководство которой стремилось с её помощью привить солдатам ненависть к врагу, а также скрывать собственные тактические и стратегические просчёты (I, 187). При этом единая природа шпионмании и ксенофобии хорошо видна в «деле Мясоедова», которое подробно рассмотрено Айрапетовым, прослеживающим общность интересов Верховного главнокомандующего вел. кн. Николая Николаевича, желавшего скомпрометировать и «свалить» военного министра В.А. Сухомлинова, и представителей либеральной оппозиции (М.В. Родзянко, А.И. Гучкова, П.Н. Милюкова), использовавших заботу об армии для критики и дискредитации власти (II, 41). Поэтому вину за казнь Мясоедова и дальнейшее разжигание страстей автор отчасти возлагает на либеральную общественность. Печатный орган октябристов «Голос Москвы» и суворинское «Новое время» он считает также прямыми виновниками очередного всплеска шпионмании весной 1915 г. (II, 76). Однако, не отрицая роль либеральной печати в распространении слухов, необходимо признать, что ксенофобия, охватившая тогда едва ли не все политические и социальные группы российского общества, была характерна и для националистической, а в известной мере – и для церковной печати. Так, ещё в ноябре 1914 г. в «Московских церковных ведомостях» появилась статья профессора Московской духовной академии С. Глаголева «Патриотизм и христианство», в которой доказывалось, что русского нужно любить сильнее, чем немца. В 1915 г. «Московские церковные ведомости» обличали антиправительственные настроения как элемент «еврейской пропаганды». В ряде публикаций сама война рассматривалась в контексте эсхатологического столкновения славянства и германизма¹⁰⁸. Осудив в мае 1915 г. немецкий погром в Москве, «Московские церковные ведомости» тем не менее одобрили выселение немцев из первопрестольной¹⁰⁹.

В целом же книга О.Р. Айрапетова лишний раз убеждает в том, что для создания всесторонней истории Первой мировой войны требуется обобщение не только фактического материала, но и существующих научных концепций и подходов.

беров И.П. На штурм самодержавия: Петроградский пролетариат в годы Первой мировой войны и Февральской революции (июль 1914 – март 1917 г.). М., 1979.

¹⁰⁸ Московские церковные ведомости. 1914. № 30–31. С. 554; № 44. С. 882; 1915. № 22. С. 351.

¹⁰⁹ Там же. 1915. № 25–26. С. 401.

В потоке юбилейной литературы, посвящённой Первой мировой войне, редко встречаются по-настоящему качественные работы. Среди них и первые два тома нового фундаментального труда замечательного отечественного историка О.Р. Айрапетова. Высочайшая научная квалификация и прекрасное знание событий эпохи, военной проблематики и истории внешней политики позволили ему создать работу, которая действительно отражает современный, пусть и субъективный, авторский взгляд на историю войны и её военно-политические и социально-экономические аспекты.

Блестяще владея историографией, автор умело использует документы Российского государственного архива военно-морского флота, Отдела рукописей РГБ, Архива Военно-исторического музея артиллерии, инженерных войск и войск связи, архивов Армении, Великобритании и США (некоторое удивление вызывает лишь малочисленность ссылок на фонды РГВИА), мемуаристику, опубликованные источники, материалы периодической печати. При подготовке книги им был осуществлён систематический просмотр всех центральных газет России, выходивших в военные годы и публиковавших реляции Ставки и сообщения фронтовых штабов.

В первом томе автор прослеживает предысторию и ход войны, начиная с организации Ставки в Барановичах. Особое внимание уделяется действиям в Восточной Пруссии и Галиции, Варшавско-Ивангородской и Лодзинской операциям, боям на Кавказском фронте. Во втором томе освещаются стратегическое планирование в 1915 г., разгром 10-й армии и гибель XX армейского корпуса в Августовских лесах, взятие Перемышля, подготовка Босфорской экспедиции, Великое отступление, обновление Ставки, Виленская операция, Свенцянский прорыв и опять же действия на Кавказском фронте.

Все эти события вписаны в книгу в широкий контекст внутривойсковой борьбы и международных отношений, изучением взаимосвязи которых автор занимается около 15–20 лет. О.Р. Айрапетова всегда отличали смелые исследовательские суждения, глубокая профессиональная аналитика и собственное видение даже тех сюжетов которые, казалось бы, считались давно изученными. Впечатляет и его кругозор, позволяющий то и дело приводить подходящие исторические примеры и аналогии из других эпох. Новый труд О.Р. Айрапетова написан прекрасным языком, легко читается и, несомненно, вызовет живой отклик как у сложившихся историков, так и студентов и аспирантов, ещё только начинающих свою научную деятельность.

Материал подготовлен А.В. Мамоновым